

Заозерский Н. А. О сущности церковного права: [По поводу кн.:] Зом Р. Церковный строй в первые века христианства / Пер. А. Петровского и П. Флоренского. М., 1906): II. Духовная сторона права // Богословский вестник 1909. Т. 3. № 12. С. 565–577 (2-я пагин.). (Продолжение.)

О сущности церковного права.

(Продолжение) ¹⁾.

II

Духовная сторона права.

Das Wesen des Rechts ist weltlich. R. Sohm.

Свою теорію безправной церкви Зомъ обосновываетъ не только исторически, но и философско-юридически. Церковь, по его ученію, не можетъ быть ни сама юридическою организаціею, ни быть носителемъ какого-то „божественнаго права“. Ибо право—по природѣ своей противно сущности Церкви; сущность Церкви—духовная; сущность права—мирская. (Das Wesen der Kirche ist geistliche, das Wesen des Rechts ist weltliche). Церковь хочетъ быть водимой, управляемой господствомъ божественнаго Духа; право въ состояніи произвести всегда только человѣческое господство, по природѣ земное, погрѣшимое, подчиненное временному теченію. Церковь держится реальной истины, т. е. того, чтобы возвѣщались и приносились въ міръ истинное Слово Божіе и истинная Воля Божія и осуществлялись въ дѣйствительности. Право, наоборотъ, держится основнымъ образомъ формы (*summum jus—summa injuria*), и должно прежде всего держаться формы, потому что только такимъ образомъ оно оказывается въ состояніи достигнуть сверхпартийнаго рѣшенія, принуждающаго обѣ стороны, не смотря на противоположность интересовъ, признавать его справедливость, вытекающую не изъ вынужденія мгновенія, но изъ прочныхъ, переданныхъ старин-

¹⁾ См. Октябрь Богослов. Вѣстникъ.

ной общепризнанныхъ основныхъ положеній. Съ этимъ связано, что хотя право по своему понятію и не требуетъ принужденія, однако стремится къ принудительному осуществленію, между тѣмъ какъ сущности Церкви ненавистно всякое принужденіе, потому что только свободное усвоеніе божественнаго имѣть духовную цѣнность“¹⁾.

Нѣсколько далѣе Зомъ такъ говоритъ о правѣ. Сущность права не въ томъ, что оно осуществляется принудительно, но несомнѣнно въ томъ, что оно носитъ формальный характеръ, т. е. что оно основывается на опредѣленныхъ фактахъ прошедшаго, безъ возможности критики, безъ принятія во вниманіе—является ли оно дѣйствительно оправданнымъ и въ настоящее время, или нѣтъ. Возможно ли существованіе такого права, которое навязывало бы общинѣ какое-либо рѣшеніе въ качествѣ Божьяго рѣшенія? Возможно ли, чтобы какое либо ученіе должно было считаться божественнымъ на томъ основаніи, что учащій за нѣкоторое время до того былъ, можетъ быть, правильно избранъ общиною, или какъ нибудь иначе получилъ законное поставленіе? Если достовѣрно извѣстно, что еkkлезія можетъ управляться не человѣческимъ, но единственно божественнымъ словомъ, то столь же достовѣрно, что не можетъ существовать въ христіанствѣ никакой власти и никакого поставленія въ должность, которыя давали бы относительно общины правовыя полномочія. Слово Божіе узнается не по какой либо формѣ, но по его внутренней силѣ. Христіанство должно слѣдовать только такому слову, которое оно въ силу внутренняго свободнаго соглашенія признаетъ божественнымъ словомъ. Только реально оправданному, протекающему по истинѣ изъ Духа Божія Слову повинуются оно“²⁾.

Вотъ тѣ недочеты въ природѣ или сущности права, которыя, дѣлають его совершенно не пригоднымъ въ жизни Христовой Церкви.

- 1, Природа права мірская, а не духовная.
- 2, Право по существу своему формально и консервативно.

¹⁾ Стр. 11—12; русск. пер.

²⁾ Стр. 43—44.

з, Право склонно къ принужденію и порождаетъ человѣческое господство.

Разсмотримъ эти положенія.

Первое изъ нихъ представляетъ собою такую странность и неожиданность, что должно быть признано не болѣе какъ яркою ораторскою антитезою, а ужъ никакъ не формулою, выражающею реальную истину. Что сфера дѣйствования права, т. е. *объекты* на которые направляется его энергія по *преимуществу* мірской, прямо матеріальной природы, что *въ большинствѣ* и *средства* осуществленія цѣли и задачъ права—матеріальной природы (денежный штрафъ, лишенія свободы, физическія лишенія, даже смертная казнь) это — также вѣрно. На этомъ основаніи опирается весьма распространенное воззрѣніе, что право можетъ развиваться и успешно дѣйствовать только въ благоустроенномъ государствѣ, что безъ государства нѣтъ права. На этомъ воззрѣніи опирается въ свою очередь дальнѣйшее положеніе, имѣющее близкое къ нашему вопросу отношеніе, что разъ Церковь не можетъ обходиться *безъ права*, она необходимо уже становится въ зависимость отъ государства и у него только должна искать опредѣленій или регламентаціи и гарантіи своихъ правъ. И вотъ если держаться этого воззрѣнія на право, а съ другой стороны принять во вниманіе чисто религіозную и моральную природу Церкви Христовой; то можно утверждать, что ей противно *такое право*, что она есть союзъ личностей *высшаго порядка*, чѣмъ какой представляетъ собою политическій союзъ гражданъ, называемый государствомъ.

Но такой взглядъ, легкомыслененъ, невѣренъ и опровергается вполнѣ законною антитезою, что *безъ права* не можетъ существовать и *самое государство*; что сфера дѣйствования права несравненно шире чисто матеріальныхъ интересовъ и его сила или энергія опирается не только на страхъ физическаго принужденія, но на чисто духовныхъ факторахъ, глубоко заложенныхъ въ природѣ разумно нравственной личности.

Психологически философское объясненіе сущности права указываетъ происхожденіе потребности права въ стремленіи личности къ *свободѣ* и въ мотивахъ *долга*. Зомъ игнорируетъ эту чисто психическую основу права.

Оба эти духовные факторы права пробуждаются и начинают заявлять о себѣ съ момента сознанія человѣкомъ своей личности. Жалоба на несправедливость и сознаніе своего и ближнихъ долженствованія замѣтны уже въ дѣтствѣ, и по мѣрѣ наступленія духовной зрѣлости возрастаютъ въ своей энергіи. Да, для нормально развитой личности нѣтъ, повидимому, болѣе тяжелаго страданія, какъ явная неправда, несправедливость. Такъ прочно въ глубинѣ человѣческаго сознанія заложены инстинктъ или идея права! И это вполне естественно и легко объяснимо: ибо нельзя представить себѣ самаго незначительнаго количественно общества свободныхъ личностей безъ дѣйствованія въ средѣ его обще-обязательныхъ для всѣхъ ихъ принциповъ, регулирующихъ ихъ отношенія. Эти послѣдніе и есть ихъ духовная связь (*jus*) ¹⁾, при колебаніи которыхъ неизбѣжно колеблется, рассыпается вся община. И нѣтъ другого средства, кромѣ обоюду обязательной силы *закона*, удержать въ цѣлости на болѣе или менѣе продолжительное время союзъ лицъ, изъ коихъ каждое по природѣ своей желаетъ быть свободнымъ, самоопредѣляющимся существомъ и въ тоже время пользоваться услугами себѣ подобныхъ свободныхъ существъ—безъ чего немыслима жизнь самой индивидуальной личности. „Личная свобода, разсматриваемая формально—учитъ Кантъ—есть произволь, или способность отдѣльнаго лица поступать по собственному благоусмотрѣнію, насколько въ данномъ случаѣ простирается его сила.

Въ этомъ заключается полная возможность того, что сферы свободы разныхъ лицъ будутъ взаимно сталкиваться въ дѣятельности, враждебно относиться другъ къ другу, нарушать и уничтожать правильное совмѣстное существованіе и чрезъ это свободу каждаго отдѣльнаго лица. Поэтому *законъ свободы*, если только онъ не хочетъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою, требуетъ, чтобы *произволь* каждаго лица сталъ въ строго опредѣленныя границы къ произволу другаго лица, чтобы никто не нарушалъ свободы другаго. Такимъ образомъ личная свобода въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ какъ бы окружена опредѣленною нитью, въ чертѣ которой

¹⁾ *Jus*—право—отъ санскритскаго *ju*—связывать, отсюда *jugum*, *jumen*—шт и др. слова.

она наполняетъ и занимаетъ безопасную сферу. Эта сфера есть ея право; признаніе и сохраненіе чужой свободы есть ея обязанность. Безъ этой обязанности нѣтъ права, безъ права нѣтъ свободы. Только въ такой формѣ свобода согласуется съ закономъ. Вотъ почему свобода должна требовать юридическаго закона: право есть необходимый постулатъ практическаго разума. На этомъ основаніи кантовское опредѣленіе права гласитъ такъ: „право есть совокупность условій, подъ которыми можно согласовать произволъ одного съ произволомъ другаго на основаніи всеобщаго закона свободы“¹⁾.

Итакъ разумная личность должна стремиться къ господству права, какъ къ своему другу и покровителю самаго драгоценнаго духовнаго блага—свободы. Въ немъ единственно она находитъ гарантію свободы. И вотъ намъ думается, что природа права близка не только духовной сферѣ челоуѣчества но и сферѣ вообще разумныхъ духовныхъ существъ. И если откровеніе учить, что „идъже Духъ Господень, ту свобода“, то разъ логически не избѣжно, что безъ права нѣтъ свободы, то необходимо заключить, что и природа права не только духовна, но и божественна. Почему выраженіе *Zoma Das Wesen des Rechts ist weltlich* мы причисляемъ къ числу его недоразумѣній.

Съ этимъ вмѣстѣ долженъ быть отвергнутъ и основной тезисъ его книги, что природа церкви противна природе

¹⁾ „Das Recht ist der Inbegriff der Bedingungen, unter denen die Willkühr des einen mit der Willkühr des andern nach einem allgemeinen Gesetze der Freiheit zusammen vereinigt werden kann“.

Die Metaphysik der Sitten. I Theil. S. XXXIII. Königsberg, 1798. Купо Фишеръ. Исторія новой философіи. Перев. Н. Страхова Т. IV, стр. 174. СПб. 1865.

Въ кантовскомъ опредѣленіи понятія „права“ возбуждаетъ недоразумѣніе мысль о „согласованіи произволовъ“. Какъ можно согласовать произволы? Съ понятіемъ произвола непремѣнно соединяется мысль о дикой, слѣпой силѣ, которая не хочетъ слышать о какомъ либо согласованіи. Произволъ можно обуздать какою либо силою, противопоставивъ ему болѣе сильный произволъ, но едва ли можно привести къ какому либо соглашенію съ другимъ произволомъ. Думается, что недоразумѣніе исчезнетъ, если слово *произволъ* мы замѣнимъ болѣе мягкимъ *произволеніе* какъ означающимъ вообще инициативу, или самоопредѣленіе на какое либо дѣйствіе, а не непремѣнно—въ худую сторону, что мыслится въ понятіи произвола.

права, какъ основанный на этомъ философско-юридическомъ недоразумѣннн.

Но какимъ образомъ право, или юридическій законъ, ограничивая личную свободу, „какъ бы нѣкоторою нитью“ становится ея гарантїею?

Не есть ли напротивъ право—врагъ свободы, дѣпи ее связующія, замыкающія ея широкіе размахи въ ограниченныя сферы?

Выходъ изъ этого противорѣчія несравненно легче, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Намъ нужно обратить вниманіе на другой основной факторъ права—на чувство долга, какъ безспорно психическую силу. Въ нормальной личности оно проявляетъ свою энергію въ разныхъ возрастахъ, начиная съ дѣтскаго, въ самыхъ разныхъ положеніяхъ, въ самыхъ разныхъ сферахъ дѣятельности и отношеній, какъ возвышенныхъ, такъ и низменныхъ, житейскихъ.

Оно остается неистребимымъ въ человѣкѣ, какъ бы глубоко иногда не опускался онъ на дно порока. Абсолютно-моральный анархистъ есть нѣчто ужасное, не человѣческое, если угодно сверхчеловѣческое, парящее по другую сторону отъ сферъ добра и красоты.

Вотъ это-то чувство долга и тчетъ, такъ сказать, кантовскія „нити“, которыми опредѣляется порывъ или инициатива личной человѣческой воли—къ такому или иному рѣшенію, къ такому или иному способу дѣйствованія.

Съ поразительною ясностію и конкретною наглядностію, доступною для пониманія школьника, выразить это значеніе чувства долга, какъ фактора права и морали, нашъ отечественный юристъ-философъ, проф. Л. Петражицкій, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи напомнить читателю слѣдующую небольшую тираду изъ его книги: „Въ душѣ своей мы переживаемъ два *существенно* различныхъ состоянія: въ однихъ случаяхъ мы чувствуемъ себя обязанными что либо сдѣлать, или чего либо не дѣлать; въ другихъ—мы чувствуемъ себя свободными отъ такой обязанности и отъ нашей доброй воли зависитъ сдѣлать то или иное, или не сдѣлать. Напр. извощику Ивану я чувствую себя обязаннымъ заплатить 10 р. за его работу для меня; равнымъ образомъ я чувствую себя обязаннымъ заплатить свой карточ-

ный долгъ; не сдѣлать того и другаго я считаю чѣмъ то немислимымъ, постыднымъ. Но иное дѣло, тому же бѣдному Ивану дать въ долгъ 10 р. или подарить вовсе: къ этому я не чувствую себя обязаннымъ; это—дѣло моей доброй воли. Обязанности перваго рода, которыя мы назовемъ *атттрибутивными* (Ивану *причитается* съ насъ 10 р.—*attribuere*), суть *юридическія* обязанности; обязанности втораго рода, которыя мы будемъ называть *императивными*, суть *нравственныя* обязанности.

Моя атрибутивная обязанность Ивану есть его *право* на получение съ меня 10 р. ¹⁾.

Въ такомъ отношеніи стоитъ право, или юридическій законъ къ свободѣ: онъ не врагъ ей, напротивъ отвѣчаетъ ея требованіямъ: „свобода требуетъ юридическаго закона“. И разъ этотъ послѣдній отвѣчаетъ своему назначенію, онъ является желательнымъ руководителемъ (*харѳъ*, *Recht*, *δίκαιον*, правило=ватерпасъ), указывающимъ прямой путь къ достиженію личной цѣли безъ нарушенія свободныхъ дѣйствій другихъ лицъ, вступающихъ въ близкое къ нему отношеніе: ибо это же самое правило въ такой же мѣрѣ обязательно и желательно и имъ.

Со стороны положительнаго права оказываемая двоякаго рода помощь свободному стремленію къ исполненію долга: а) оно представляетъ всѣмъ и каждому ясныя, категорическія формулы велѣній долга, которые могутъ быть сознаваемы смутно, не опредѣленно для индивидуальнаго мышленія (законодательство и судъ); б) оно устраняетъ препятствія къ осуществленію личностію велѣній закона (и долга) идущія со внѣ, воздвигаемыя намѣренно или по недоразумѣнію со стороны другихъ лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ данномъ случаѣ—(исполнительная власть).

И вотъ, благодаря этой помощи юридическаго закона отдѣльная человѣческая личность становится мощнымъ, сильнымъ существомъ, хотя бы по природѣ было оно слабымъ, болѣзненнымъ, неспособнымъ само себя охранять отъ нападеній сильнаго и мощнаго по природѣ сосѣда. Обуздывая дикій, неразумный произволъ, право даритъ разумно нравственную личность полномочіемъ, властью: да, каждое право

¹⁾ Петражицкій: Очерки философіи права. 1900 г. стр. 11.

есть власть (*potestas, ἐξουσία*) ¹⁾. Отсюда—привлекательность права, жажда приобрѣтенія правъ.

Дѣйствіе права не ограничивается только сферою низменныхъ интересовъ, хотя благотворное вліяніе его здѣсь наиболѣе ощутительно; съ одинаковою энергіею оно вноситъ свою строительную работу и въ высшія сферы интересовъ просвѣтительныхъ, художественныхъ, моральныхъ, религіозныхъ. Смотря по степени культуры измѣняются формы и характеръ воздѣйствія права, совершенствуются, утончаются, облагораживаются. Но основная задача права—вносить всюду равновѣсіе въ отношенія *долга* и *требованія*—остается одною и тою же священной задачею. И какъ бы ни были грубы по временамъ эти формы и эти средства дѣйствованія права, его природа—*духовна*.

Жизнь Церкви Христовой и ея организація, какъ бы мы ни старались ея одухотворять характеръ, отнюдь не исключаетъ дѣйствованія въ ней права. Напротивъ право здѣсь становится тѣмъ необходимымъ, чѣмъ возвышеннѣе ея интересы, чѣмъ духовнѣе ея сущность, именно для того, что бы свободноравствественная сфера Церкви не загрязнялась, не опошлялась внесеніемъ въ нее низменныхъ элементовъ мірской жизни, не только терпимыхъ но иногда и покровительствуемыхъ въ сферахъ гражданской и политической. Такое значеніе и такая задача права въ церковной сферѣ формулирована слѣдующими словами одного церковнаго акта V вѣка.

„Да не преступаются правила (*κατόρες*) отцовъ, да не вкрадывается подъ видомъ священнодѣйствія надменность власти мірскія и да не утратимъ по малу, не примѣтно той свободы, которую даровалъ намъ. Кровію своею Господь нашъ Иисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ человѣковъ“ ²⁾.

„Безъ права нѣтъ свободы“—какъ бы повторяетъ Кантъ мнѣніе отцевъ Церкви V вѣка!

Право по существу своему формально и консервативно—возражаетъ Зомъ, между тѣмъ церковь держится реальной истины; слово Божіе узнается не по какой либо формѣ, а по внутренней силѣ... Сущность права въ томъ, что оно по-

1) Коею областію (*ἐξουσία*) сія твориши? Лук. XX, 2. Іоан. I, 12.

2) III Всел. Соб. прав. 5.

силь формальный характеръ, т. е. что оно основывается на опредѣленныхъ фактахъ прошедшаго, безъ возможности критики, безъ принятія во вниманіе—является ли оно оправданнымъ и въ настоящее время, или нѣтъ... Возможно ли, что бы какое либо ученіе должно было считаться божественнымъ на томъ основаніи, что учащій за нѣкоторое время до того былъ правильно избранъ общиною?... Если достоверно извѣстно, что еkkлезія можетъ управляться не человѣческимъ, но божественнымъ словомъ, то столь же достоверно, что не можетъ существовать въ ней никакой *власти*, ни какого поставленія на должность, которая давала бы относительно общины *правовыя* полномочія“.

Возраженіе это имѣло бы значеніе, если бы было доказано, что формализмъ права враждебно относится къ реальной истинѣ, что форма права исключаетъ дѣйствіе внутренней силы слова Божія. И теоретически и фактически съ большимъ успѣхомъ доказуемо какъ разъ обратное положеніе. Идеальный правопорядокъ требуетъ именно синтеза права, морали и религіи. Антагонизмъ между ними неизбежно отражается политическимъ разслабленіемъ и расщепенностью нравовъ.

Антитеза Зомы, что Церковь держится реальной истины, а право, на оборотъ, основнымъ образомъ держится формы должна быть причислена прямо къ курьезамъ. Вѣдь если согласиться со второю ея половиною, то естественно возникаетъ вопросъ—зачѣмъ же государство не только терпимо относится къ праву, но и тратитъ громадныя усилія на процвѣтаніе права? Ужели ему не дорога реальная истина?!

Дѣйствительность говоритъ какъ разъ обратное: именно *открытіе истины* и составляетъ единственную цѣль судебной процедуры; слѣдов. въ государственной организаціи право разсматривается какъ необходимое средство, путь къ познанію реальной истины. Безъ сомнѣнія и Церковь разрабатывая свой формальный судъ, преслѣдуетъ ту же самую цѣль и она должна это дѣлать, этимъ озабочиваться не менѣе государства. Вѣдь она призвана по совершенно вѣрному воззрѣнію Зомы „возвѣщать и осуществлять *истинное* слово Божіе и *истинную* Волю Божію“. Но какъ быть, если въ средѣ церкви возникаетъ разность мнѣній относительно того, что въ данномъ случаѣ есть *истинная* Воля Божія? Какъ рѣ-

шить этотъ споръ объ истинѣ?— „Внушеніямъ мгновенія“— отвѣчаетъ Зомъ. Но едва ли это средство надежнѣе, чѣмъ правильно поставленный процессъ съ соблюденіемъ равноправности спорящихъ и при наличности третьихъ по отношенію къ нему лицъ, т. е. судей. А съ другой стороны такой методъ изслѣдованія истины развѣ исключаетъ не только „внушенія мгновенія“, но и прямо внушенія Духа Божія, если къ нему обращаются молитвенно заинтересованныя въ дѣлѣ лица?

Не только не исключаетъ, но, какъ свидѣтельствуется исторія христіанской культуры не подлежащими сомнѣнію фактами, такое соединеніе юридической техники съ религіознымъ освященіемъ проникаетъ собою всѣ стороны правовой организациі Церкви первыхъ вѣковъ. Изъ Церкви этотъ синтезъ религіи и права былъ потомъ переносимъ и въ государственное устройство какъ грекоримской имперіи, такъ и тѣхъ народовъ, которые устроили свои государства подъ вліяніемъ Церкви.

Подробнымъ раскрытіемъ этого положенія мы займемся впослѣдствіи, а теперь позволимъ себѣ ограничиться относительно разсматриваемаго тезиса Зомы слѣдующими замѣчаніями.

1) Возраженіе Зомы опирается не на *недостойность сущности* права, а на дов. обычныхъ недостаткахъ состоянія права въ какой либо данный моментъ—его формализмъ и архаичности. Первый даетъ себя знать въ чрезмѣрной привязанности къ буквѣ закона, особенно въ предпочтеніи свидѣтельства документовъ свидѣтельству живаго непосредственнаго свидѣтельства личности (преобладаніе бюрократіи); вторая—въ привязанности къ обрядамъ и учрежденіямъ утратившимъ въ данный моментъ всякое значеніе въ силу исчезновенія тѣхъ условій, которыми они были вызваны. Законодательство, обрядности и учрежденія должны быть *измѣняемы*, реформированы: неизмѣнною д. оставаться цѣль права — равновѣсіе долга и требованія, технически выражаемая формулою: *sum cuique*

2) Зомъ утверждаетъ, что „въ Церкви не должно существовать никакой власти, которая давала бы относительно общины *правовыя* полномочія. Странное желаніе! Неужели власть, не регламентируемая правомъ, лучше, свойственнѣе

природѣ Церкви, чѣмъ власть регламентируемая? Въдѣ власть безъ права—деспотизмъ. Между тѣмъ, по свидѣтельству самого же Зома „правленіе христіанствомъ носить съ самаго начала властный монархическій характеръ и власть учителя потому такъ значительна, что она означаетъ не правовую, дисциплинарную власть, подобно тому какъ бываетъ въ свѣтскихъ союзахъ, но болѣе высокую нравственную власть, требующую послушанія отъ имени Бога. Какую могущественную энергію, но въ то же время какую опасную, потрясающую всю духовную сущность Церкви силу разовѣетъ эта организація, какъ только такая *духовная* власть будетъ одновременно поднята на степень правовой, формально состоятельной и формально обязательной власти?!“ (стр. 93).

Какъ исторически извѣстно, могущественную и опасную энергію духовная власть развивала не благодаря уваженію къ праву, а наоборотъ путемъ разнаго рода узурпацій, захватовъ т. е. поправію права и этимъ именно путемъ „внесла дымное надменіе власти мірскія подъ видомъ священнодѣйствія, по малу, не примѣтно“.

Защищая свою идею „безправной власти“, Зомъ между прочимъ указываетъ на слѣдующій конкретный аргументъ: „Возможно ли, чтобы какое либо ученіе должно было считаться божественнымъ на томъ основаніи, что учащій за нѣкоторое время до того былъ правильно избранъ общиною“. Аргументъ хочеть выяснитъ мысль, что избранный правильно *никогда*, можетъ потомъ утратить даръ учительства и будетъ проповѣдывать ученіе лишь *de jure* божественное, т. сказать официально божественное, а *de facto*, по существу собственное свое, благодатной силы не имущее. Но развѣ правильное избраніе устраняетъ возможность утраты этого дара и развѣ *правовая* церковная организація не даетъ Церкви право лишить власти лицо, утратившее этотъ даръ въ силу безпечности, нерадѣнія или порочной жизни? Конечно, даетъ; а если не даетъ, то она и не заслуживаетъ названія правовой. Аргументъ Зома—какое то недоразумѣніе.

Право склонно къ принужденію и пораждаетъ человеческое господство, между тѣмъ какъ сущности церкви ненавистно всякое принужденіе.

Таковъ третій недочетъ права. Но какъ выяснено было

ранѣе и какъ утверждаетъ и Зомъ, правовыя предписанія въ принципѣ не требуютъ принужденія. Последнее—случайность въ правѣ: ибо если бы каждое предписаніе права исполнялось—принудительно, то правовая организація представляла бы непрерывную междоусобную борьбу. Но если такъ, то почему же Церкви, природѣ которой дѣйствительно, противно всякое насиліе, не попытаться внести въ свою организацію болѣе совершенное законодательство, которое бы совершенно устраняло этотъ случайный недостатокъ права?

Чѣмъ обусловливается, или откуда проистекаетъ потребность принудительнаго осуществленія права?

Отвѣта на этотъ вопросъ приходится искать или въ субъективной природѣ нѣкоторыхъ лицъ данной общественной среды, или въ самой конструкціи права.

Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что никогда прежде, ни въ настоящее время не было такого государства, въ составѣ подданныхъ котораго не находился бы болѣе или менѣе крупный % индивидуумовъ такъ сказать „прирожденно криминальных“. Съ этими господами нельзя иначе поступать, какъ насильственно заставлять ихъ быть гражданами, или же совсѣмъ изолировать ихъ отъ среды нормальныхъ гражданъ, въ особыя помѣщенія или территоріи. Но и помимо этихъ ненормальныхъ отъ природы личностей, завѣдомо злая воля и „стеченіе обстоятельствъ“ всегда даютъ значительный процентъ правонарушителей: между тѣмъ осуществленіе или реализація права есть самая первая обязанность, священный долгъ государства, какъ юридическаго строя. Именно жажда права, исканіе его несоизмѣримымъ большинствомъ подданныхъ и должно служить внушительнымъ мотивомъ для государства охранять господство закона и неуклонно преслѣдовать каждое правонарушеніе. Отсутствіе уваженія къ закону, слабость гарантіи его — несомнѣнные признаки государственнаго банкротства.

Но причины принудительности права могутъ лежать и внѣ личности,—въ несовершенствѣ конструкціи самого права—въ несовершенствѣ формулировки, устарѣлости формъ, рядовъ судопроизводства, несовершенствѣ исполнительной организаціи и т. д. Это несовершенство по необходимости должно восполняться принужденіемъ по принципу: лучше

какойнибудь законъ и какоенибудь государство, чѣмъ беззаконіе и безгосударственность.....

Такимъ образомъ совершенствованіе юридической организаціи, несомнѣнно, само собою понижаетъ процентъ случаевъ принудительнаго осуществленія права.

Такъ въ государствѣ. Такъ должно быть и въ Церкви. Ея задачей должно служить не *отчужденіе отъ права*, какъ элемента будто бы не сроднаго существу ея, а на оборотъ всемѣрно заботиться о воспитаніи въ членахъ своихъ той *духовной настроенности личности*, которая составляетъ базисъ и самого государственнаго права—т. е. чувства долга, именно исполненія его вѣднѣй не за страхъ принужденія, а *за совесть и во имя Бога*. И само собою разумѣется, воспитывая такъ своихъ отдѣльныхъ членовъ, она должна указывать примѣръ, образецъ и въ своей собственной организаціи свободной, чуждой принудительнаго аппарата юридической организаціи.

Таково дѣйствительное отношеніе Церкви къ праву. Такова дѣйствительно и была та церковная организація, которая обнаружилось въ главныхъ чертахъ своихъ уже въ вѣкъ апостольскій, продолжала развиваться въ послѣдующее время, и навсегда отпечатлѣлась въ каноническомъ законодательствѣ вселенской Церкви.

Н. Заозерскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
